

Алла Зорина

Лада Зорина

Измена. (не) Его невеста

«Литнет»

2023

Зорина Л.

Измена. (не) Его невеста / Л. Зорина — «Литнет», 2023

— Ненавижу тебя. Ненавижу! Я замахнулась, но он перехватил мою руку, дёрнул меня на себя. — Поверь, это взаимно, — в чёрных глазах моего жениха стынет ярость. Девушка в его постели взирала на нас с недоумением. Рассмотреть я её не смогла — слёзы застлали глаза. — Я же... я твоя невеста... — Ты не моя невеста, — прорычал он. — Ты — приложение к договору — Но... — Уходи, — он оттолкнул меня к двери. — Уходи. Не порти мне вечер. Вечер. Я испортила ему вечер... А он испортил мне жизнь! Меня вынудили стать женой магната Глеба Уварова, врага моей семьи. Но этот брак никого не примирил, он породил только ненависть. Разве есть в таком браке место для настоящей любви?♥# Властный магнат ♥# Невинная героиня ♥# Вынужденный брак ♥# Эмоции на грани ♥# ХЭСпасибо за звёзды, награды и комментарии! ♥#

© Зорина Л., 2023

© Литнет, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	22
Глава 10	24
Глава 11	26
Глава 12	28
Глава 13	30
Глава 14	32
Глава 15	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава 1

— Это... шутка какая-то?

Я обернулась в надежде, что мои слова подтвердятся. Но грузный седой человек, назвавшийся моим дедом, смотрел на меня из своего кресла совершенно серьёзно.

До дикости роскошная комната — сплошь тёмное дерево и позолота. В дальнем углу — гость Алексея Георгиевича, на встречу с которым меня позвали, ничего не объяснив.

Я уже привыкла, что с тех пор, как мой дед меня разыскал, меня везде и во всём просто ставили перед фактом.

Вот и сейчас мой родственник не спешил с объяснениями. Они мне попросту не полагались. Будь благодарна — ещё вчера ты безродная нищенка, сегодня — внучка богатого человека, но на ролях всего лишь актива. Ценного, как говорится, вложения.

— Простите, — мой голос ослаб, — но я не понимаю...

Наш гость, сумрачно взиравший на меня со своего места у незажжённого камина, едва заметно сменил позу. Но уже это заставило меня ёжится.

Высоченный, черноволосый, с пронизывающим тёмным взглядом. Непрístupная крепость в идеально скроенном строгом костюме.

Деловой партнёр моего деда и...

— Полина, это твой будущий муж.

— Я не... нет, погодите, — в элегантном наряде, в который меня попросили сегодня втиснуться, вдруг стало совершенно нечем дышать. — Я не знаю этого человека.

Мои слова заставили «этого человека» усмехнуться. Обрамлённая короткой густой бородой тяжёлая челюсть дрогнула, но глаза смотрели холодно и зло.

«Покупатель» находил меня забавной.

— Это поправимо, — успокоил меня дед. — До свадьбы успеете познакомиться.

В тот день мой «будущий муж» не сказал мне ни слова. Обращался исключительно к Алексею Георгиевичу через мою голову, будто я была здесь никем и ничем.

Будто мои слова ничего и не значили.

Мой дед вытащил меня из нищеты, но последние пару недель окружавшая меня роскошь на самом деле ничего не изменила. Я оставалась бесправным, безголосым пустым местом.

Впрочем, не совсем уж пустым.

Я оказалась разменной монетой.

Вечером того же дня все мои вещи загрузили в машину, скупой на проявления чувств родственник прохладно со мной попрощался и, не обращая внимания на мои слёзы, отказался что-либо объяснять.

— Время придёт — и ты всё узнаешь, — прохладная шершавая ладонь неожиданно нежно прошла по моей щеке, и он дал знак охраннику. — Езжай, Полина. С богом. Всё будет хорошо.

Большей лжи я за всю свою жизнь не слышала.

Мой так называемый жених — совершеннейший незнакомец — соизволил со мной заговорить спустя несколько часов, когда меня доставили в его особняк, где-то за столичной городской чертой.

Но ни утопавшее в зелени роскошное двухэтажное здание, ни поражающие воображение интерьеры меня не впечатлили. Все силы уходили на то, чтобы оставаться в себе, пока в моей жизни бушевал апокалипсис.

Когда летнее солнце закатилось за горизонт и гудевшее жизнью поместье стихло, меня попросили в кабинет — на аудиенцию к «суженому».

К магнату Глебу Уварову. К бизнесмену, которого СМИ прозвали не иначе как Хищником, а светская хроника — не иначе как Грешником. И я знать не хотела, что скрывалось под этими прозвищами.

— Церемония — через месяц, — он даже не обернулся, когда я вошла. Так и стоял, уставившись в окно, за которым давно опустились синие сумерки.

Я смотрела в его широкую спину. Видела, как напряжены массивные плечи под белой рубашкой, и думала, что брежу, нахожусь в лихорадочном сне. Который всё никак не желал прекращаться.

— Зачем? — я обхватила себя руками, пытаюсь отыскать хотя бы подобие точки опоры. — Зачем... всё это?

— Что именно?

— Да всё! Этот договор, эта свадьба! Мне до сих пор никто ничего не объяснил! У нас что, средневековое какое-то на дворе? Разве людей вот так замуж выпихивают, ничего у них не спросив?

Кажется, моя горячность его растормошила. Он снизошёл обернуться. Сумрачный взгляд полоснул по мне лезвием:

— В *нашем* мире, куда ты попала благодаря своему деду, возможно всё. Советую привыкать.

— Но я не желала никакого *вашего* мира! Когда дед меня отыскал, он ничего ведь не объяснил!

— Мне неинтересно выслушивать эти претензии. Они не по адресу.

В лицо будто ледяным снежком залепили. Будущий муж давал мне понять, что сочувствия от него не добиться.

— Вы-то зачем на подобное согласились? Совершенно же очевидно, что вы меня ненавидите!

— Какое громкое слово, — Уваров сложил на груди мощные руки и провёл по мне взглядом снизу-вверх. — Ненависть — сильное чувство. К тебе у меня нет никаких чувств. Ты — условие, которое я обязан был соблюсти.

— А не пойти бы вам с вашим условием подальше! — рявкнула я и вылетела из его кабинета.

Я пыталась сбежать пару раз. Без толку. Охранялся его особняк — будь здоров.

Дед на звонки отвечал через раз — из-за слабого сердца армия его личных врачей запрещала ему подолгу и часто общаться со мной. Но всё, что я от него слышала, это обещания, что всё наладится.

Мне казалось, я схожу с ума.

С Уваровым мы общались лишь по необходимости. И каждый наш разговор заканчивался одинаково — форменной склокой. Мы будто репетировали будущее бракосочетание, вместо клятв в вечной верности клявшись уничтожить друг друга ещё до того, как наступит день икс.

Лишённая всякой возможности изменить ситуацию, я выжидала и пыталась разобраться в происходящем, но беспощадную ясность в моё нынешнее и будущее положение внёс случай. Который мне доказал, что мой жених на ветер слова не бросал — я действительно была только пешкой в громадной, безразличной ко всему игре богачей.

Спустя пару недель после очередной перебранки я умчалась к себе, но через пару часов метаний по отведённым мне комнатам выбралась побродить по галерее.

Погружённая в свои мысли, сама не заметила, как забрела в ту часть особняка, где располагались личные комнаты его хозяина.

Двустворчатые двери спальни оказались распахнуты настежь — я лишь поэтому и увидела то, что увидела.

Мой будущий муж ни в чём себе не отказывал за две недели до нашего с ним бракосочетания. Особенно в том, что касалось плотских утех...

Мало было мне унижений. В довесок, липовая невеста, получи ещё и вот это.

Я не помнила, как оказалась внутри. Но ярость меня пожирала, и опомнилась я только когда обнажённый по пояс Уваров сгрёб меня в охапку и оттащил к дверям. Кажется, я пыталась вцепиться в волосы его рыжеволосой подружке, только бы стереть с её лица наглую ухмылку.

— Кто эта истеричка, Глеб? — хихикала она. — Та самая? Твоя будущая благоверная?

Какое-то время я молча билась в его руках, наконец-таки вывернувшись из его хватки и прорычала:

— Ненавижу тебя. Ненавижу!

Замахнулась, но он перехватил мою руку, дёрнул меня на себя.

— Поверь, это взаимно, — в чёрных глазах моего жениха стыла ярость.

Сейчас девица в его постели взирала на нас с недоумением. Рассмотреть я её как следует не смогла — слёзы застлали глаза.

— Я же... я же твоя невеста...

— Ты не моя невеста, — прорычал он, напоминая. — Ты — приложение к договору

— Но...

— Уходи, — он оттолкнул меня к двери. — Уходи. Не порти мне вечер.

Вечер. Я испортила ему вечер...

А он испортил мне жизнь!

Друзья, приглашаю вас в мою новинку **«Развод. Ты обещал, что не предашь»**

Читать: https://litnet.com/shrt/_NDm

— Альбина в беде, — процедил муж. — Я должен ей помочь.
Я вспомнила те их нежности на парковке ... В груди защемило.
— А какое тебе, к чёртовой матери, дело до её бед?
— На этот раз вопрос личный, — выговорил он через силу.
— Это личное касаться нас никак не должно!
— Но касается, — отрезал Данила.
— Как? — мой голос ослаб.
— Каким образом? Говори, Громов!
Данила поднял на меня больной взгляд.
— Когда мы с ней расставались, я не знал. Она мне ничего не сказала.
— Чего... не сказала?
— Когда мы расстались, Альбина была беременна. У меня есть сын, Ксения. Ему семь.
♥# властный мужчина
♥# сложные отношения
♥# очень эмоционально
♥# ХЭ

Глава 2

Алексиса Канатаса не зря прозвали Зевсом. Этот мощный старик всех заставил с собой считаться. И Глеб до последнего надеялся, что его минует чаша сия.

Надеялся зря. Не исключено, что именно семье Уваровых предстояло взять главный удар молнии местного громовержца на себя.

В верхних комнатах подмосковной крепости Канатаса, который предпочитал звать себя Алексеем Канатовым, чтобы без нужды не выбиваться, сегодня вершилась судьба. И пафос формулировки был как раз очень даже уместен.

Он ясно подчёркивал предельную высоту ставок.

Вот уже полгода столичную бизнес-среду изрядно штормило. Появились новые агрессивные игроки, смелые конкуренты. Прежние порядки ломались, рынок недвижимости реагировал на современные вызовы, заставляя многих уверовавших в свою неприкосновенность, смотреть в лицо новым суровым условиям.

Уваровым приходилось тяжелее, чем остальным — внутри семьи зрела настоящая гражданская война, грозившая ослабить бизнес настолько, что окусывавшимся «за забором» партнёрам оставалось лишь ждать, когда ветви опасно разросшегося дерева затрясутся, и перезревшие яблоки сами попадают в их когтистые лапы.

Вот тогда-то, несколько месяцев назад, и объявился Канатов со своим неожиданным предложением.

— Объединим бизнес.

— С чего бы вдруг? — Глеб смотрел на своего гостя с нескрываемым подозрением. — Алексей Георгиевич, при всём уважении, мы с вами враги. Прямые конкуренты, если вы не забыли.

— Не время сейчас для конкуренции, — отрезал Канатов и тут внезапно закашлялся. Тогда-то и стало понятно, почему он прибыл к нему не один, а со строгой дамой в сером, тут же подавшей старику фляжку с какой-то жидкостью.

Вот оно что... магнат беспокоился о наследии.

Волк-одиночка, не желавший, чтобы после его ухода всё нажитое за столько-то лет растащили по кирпичикам чужаки.

— Не совсем понимаю, как я вписываюсь в эту схему.

— Уваровым сейчас нелегко, — из-под седых усов сверкнули белые, не по возрасту крепкие зубы. — Как и мне. Со всех сторон поджимают. Но отдавать хоть что-нибудь этим нуворишам... я лучше по ветру все свои деньги пушу.

— Так и пустите, — Глеб не питал иллюзий, что может вот так с наскока разгадать планы старого лиса, но предложение было... заманчивым. Канатов был прав — Уваровы держались на волоске.

— Хотел бы, — чёрные очи впились в него, напоминая, что в старике ещё предостаточно сил на то, чтобы вести эти нелёгкие переговоры. — Но у судьбы свои планы. Может вдруг оказаться, что я не один на всём белом свете. Мне есть кому всё завещать.

А вот такого предвидеть никто, вероятно, не смог бы.

Перед Канатовым брезжила перспектива разыскать родную кровиночку. Его давно сбежавшая из отчего дома дочь таки произвела на свет потомство. Как, когда, при каких обстоятельствах выяснилось, что она родила — всё это Уварову не могло быть известно.

Но вот, могучий Зевс в его доме на правах просителя... это ли не чудо из чудес?

И всё, что от него требовалось — сделать хорошую мину при плохой игре. Притвориться, что Уваровы могут позволить себе роскошь подумать.

На деле же старик подставлял ему плечо, вытаскивал из болота междоусобицы взамен на, по сути, пустяк.

— Договор прост и прозрачен. Я попрошу лишь одного. Обеспечь её всем необходимым. Мне недолго осталось, но я хочу быть уверен, что моя внучка ни в чём не будет нуждаться.

В этом неожиданном подарке небес, в этом договоре Канатов оставил за собой лишь одно условие — если доживёт, сам определит, как Уваров поможет его внучке. В рамках дозволенного, разумеется.

Юристы обеих сторон корпели над договором, чтобы на двести процентов убедиться: их клиенты ничего от него не потеряют, только выиграют.

И вот теперь, когда все бумаги подписаны и договор заключён, он в доме Канатаса — принимает на себя обязательства обеспечить его внучку всем необходимым... в качестве своей будущей, мать её, жены.

Лукавый Зевс щурил свои чёрные очи. Пристроил кровиночку — лучше и не придумаешь. Обеспечил до конца жизни.

Глеб рассматривал её через комнату, застывшую у кресла своего могущественного родственника. Ошарашенную, растерянную. Вчерашнюю бродяжку, волею своего деда ставшую невестой одного из самых богатых людей страны.

Светло-каштановые волосы. Ясный взгляд. Обычная. Даже невзрачная. Совсем не в его вкусе.

Да он даже не знал, что девчонка давно в брачном возрасте! Разговоры о внучке заставили Глеба поверить, что они говорят о ребёнке — не о девице, которая тряслась от свалившихся на неё новостей, но уже требовала объяснений.

Впрочем, Глеба меньше всего волновало, что она требовала. Сейчас все усилия он направил на то, чтобы не позволить своему гневу испортить всё, над чем он работал — сохранить семью и оставить в силе их договор.

Поэтому проигнорировав лепет девчонки, посмотрел в глаза старому чёрту:

— Это... твоя внучка?

Канатас кивнул, явно довольным произведённым эффектом. Глеб стиснул зубы, стараясь отвлечься от порыва смести с каминной полки, на которую опирался, декоративные вазочки, наверняка стоившие целое состояние.

— Ты заранее планировал это. Женитьбу.

— Так она будет под твоей надёжной защитой, — Канатас ничего не скрывал. — Скоро ей не к кому будет обратиться за помощью. И мои деньги её не спасут. Их из-под неё выдернут, я и остыть ещё не успею. А ты... ты случиться этому не позволишь.

— А если я не захочу вешать себе на шею такое ярмо?

Зевс погладил свою седую бороду, притворившись, что всерьёз рассматривает такую возможность:

— Что ж... тогда договор будет расторгнут. Я останусь со своей головной болью наедине. А ты — наедине со стаей шакалов и распрями в собственной семье, Уваров.

Старый хрен знал, что загнал его угол. Но как будто забыл, что ничего страшнее загнанного в угол зверя нет.

— Ну так как, партнёр? — в голосе Канатаса звучала ирония. — Примиримся или продолжим нашу вражду?

И Глеб согласился. У него не было выбора. Но это пока. Ни старый лис, ни его внучка ничего от него не получают. Эта маленькая интриганка почти наверняка ломает комедию. Девчонка с ним заодно.

Что ж, винить в своих будущих бедах ей будет некого, кроме себя и своего хитроумного деда.

Глава 3

Он решил поступить мудро — решать проблемы по мере их поступления. И проблемы эти начались, стоило внучке Зевса переселиться в поместье своего жениха.

Старый Канатас просто сдал ему её на руки, объявив, что им понадобится время, чтобы друг друга узнать.

Бред. Большой нелепицы ему слышать не приходилось. Он не собирался не то что знакомиться с ней. Он не планировал ни семье её представлять, ни друзьям. Дежурная свадебная церемония — большее, на что ей стоило рассчитывать. Потому что это не брак, это прихоть сходявшего в могилу врага, решившего напоследок поглумиться над теми, с кем вёл бизнес-войны, когда Глеб ещё под стол пешком ходил. Но так уж вышло, что старый Канатас пережил и деда, и отца Уварова, вот только от мести не отказался. Выждал момент и ударил.

И всё-таки у него ещё было время минимизировать возможные риски и негативные последствия. Выровнять ситуацию в конкурентной среде при помощи злосчастного договора с Канатасом. И обернуть всё к своей пользе. Только бы «невеста» под ногами не путалась.

А она путалась. Ещё как.

Маленькая бродяжка порой таскалась за ним по пятам и требовала ответов, притворяясь совершенно несведущей в больших планах своего деда.

Чтобы Канатас внедрил в их дом своего шпиона без каких-либо далеко идущих намерений? Да за кого они его держали? Несколько десятков лет непримиримой вражды, внезапное предложение о мире под предлогом сохранения наследия обеих семей — и безо всяких задних мыслей?

Это заставило его невольно скривить в едкой усмешке губы, когда девчонка в очередной раз забросала его расспросами, стоило ему показаться в поле её видимости.

Уваров подумывал запереть её в дальнем крыле, а ключ забросить подальше до самой свадьбы.

Свадьбы... мать твою, свадьбы! Он постоянно забывал, что ждало его через месяц.

— Вы обязаны хоть что-нибудь мне объяснить!

Он опустил на неё взгляд, наконец-то снизойдя до ответа:

— Обязан. Любопытная формулировка.

Голубые глаза метали молнии. Бледное лицо побледнело ещё сильнее.

— Я не позволю вам обращаться со мной, как с бессловесной скотиной! Как... как с куском мяса!

Красочно, но избито. Глеб прислонился к подоконнику одного из многочисленных окон галереи, в которой бродяжка подловила его, когда он направлялся в свой кабинет.

Во имя всего, у него не было времени на эти пустые сотрясания воздуха! У него дел выше крыши, но у девчонки был вид разъярённой болонки, грозившейся вцепиться в его ногу, если он только посмеет ретироваться.

— Послушай, я ничего тебе не обязан. Ничего, кроме указанного в чёртовой приписке к договору, которую юристы твоего чёртова деда умудрились ввинтить, потому что мои, очевидно, зря получают бешеные бабки, которые я им плачу за то, чтобы не попадать в такие вот ситуации!

Он и сам не заметил, когда его голос поднялся на опасную высоту — девчонка сглотнула, но не отступила.

— Вы согласились с этой припиской, — безжалостно надавила она на больное. — Имейте совесть и милосердие объяснить, почему я обязана выходить за вас замуж, а вы — жениться на мне. Ведь не может же быть, чтобы всё это нельзя было как-нибудь... отменить.

— Ты меньше всего нужна мне в качестве жены. И если бы я смог сделать хоть что-нибудь, чтобы избавиться от тебя, я бы это уже сделал. Такого объяснения ты хотела?

Он ждал слёз и причитаний. Ждал ядовитого выпада, но девчонка смотрела на него с... сожалением. Потом вздохнула и качнула головой:

— Просто... просто поразительно. Это надо же уродиться таким красивым снаружи и таким безобразным — внутри.

И на этой фразе в тот день она оставила его в покое.

Дьявольское создание не приближалось к нему ровно до тех пор, пока не подвернулась очередная удобная возможность. Перед этим она предприняла пару попыток сбежать. Но охрана, не в пример его юристам, сработала чётко и без последствий — беглянку вернули. Не хватало ещё, чтобы старый хрыч использовал эти её выбрыки как повод расторгнуть договор. Глеб продолжал ждать от него какого-нибудь удара, который попросту не сумел просчитать и предугадать. Поэтому рисковать явно не стоило.

— И что, мне сиднем сидеть в ваших хоромаш, пока... пока не придёт день свадьбы? — она торчала в дверях парадной гостиной, куда его по дурости занесло.

— Сообщи моему помощнику о предпочитаемых активностях, и он их тебе организует, — отмахнулся он и сбежал из гостиной от греха подальше.

Но бродяжка не только со своими активностями не разобралась, она и в его досуг лезть умудрялась.

Предстоящая свадьба ничего не меняла. Наследие, о котором вещал Канатас... ни о каком наследии не могло быть и речи. Он не собирался дарить своему врагу правнуков, не собирался тащить шпионку в постель. Тем более что там и без неё было тесно.

И уж тем более не предполагал, что через пару недель после знакомства дикое создание закатит истерику прямоком в его спальне.

Он не собирался рвать свои связи и прекращать проводить свой досуг так, как считал нужным.

Она посчитала это изменой.

— Я же... я твоя невеста...

Он крепко держал её за руку, обезопасив себя от неминуемой пощёчины и с удивлением следил, как в голубых глазах закипают слёзы.

— Ты не моя невеста, — прорычал он, напоминая. — Ты — приложение к договору

И он был прав на все сто процентов.

— Но...

— Уходи, — он подтолкнул её к двери. — Уходи. Не порти мне вечер.

Девчонка скрылась за дверью. Он наклонился, поднял с пола рубашку и натянул на плечи

— Глеб? — Марго потянулась к нему из постели. — Иди ко мне. Забудь ты про эту шумную идиотку.

— Одевайся, — велел он. — Где выход, ты знаешь.

И не оборачиваясь, вышел из спальни.

Бродяжка умудрилась в который раз испортить ему вечер.

Глава 4

Далеко сбежать я, к сожалению, не успела. Уваров нагнал меня в коридоре, по которому я надеялась добраться до своих комнат. Что вообще-то было не так уж и легко — я частенько плутала, за две недели так до конца и не выучив, что и где находилось в этом громадном роскошном лабиринте.

Мягкий ковёр заглушал звук его шагов, а кровь так громко стучала у меня в ушах, что я всё равно ничего не услышала бы. Из разыгравшегося внутри хаоса я вынырнула, когда на моём плече в железной хватке сомкнулись чужие пальцы.

Он развернул меня к себе, и мой взгляд невольно упёрся в широченную грудь, которую почти не скрывала небрежно накинутая на плечи рубашка. Её белый цвет яростно контрастировал с загорелой кожей.

— Это что вообще было?

Я отодрала взгляд от впечатляющего рельефа мышц, отругав себя за непонятный ступор, в который меня ввело неожиданное появление их хозяина.

Хотела бы я сама знать, что это было. Но с другой стороны, кое-какое объяснение у меня всё же имелось.

— А разве не я должна задавать этот вопрос? — я окончательно рассталась даже с намёком на уважительный тон. Раз уж в его отношении ко мне никаким уважением никогда и не пахло. — Я ещё могу понять твоё раздражение всей этой... ситуацией. Но окунать меня в грязь, открыто кувыркаясь со своими наложницами... мне не важно, кем ты меня называешь. Я — твоя невеста, и это факт. И за две недели до свадьбы ты таскаешь своих девок под одну со мной крышу, пусть она и размером со стадион! Это даже для развратного богача — слегка перебор, не находишь?

Чёрный взгляд прожигал меня насквозь. И будто не пальцы сейчас впились в моё плечо, а настоящие когти.

— То есть сцену ревности решила мне закатить, — в обманчиво спокойном тоне стремительно зрел гнев. — Смирилась со своей ролью будущей хозяйки этого дома.

— А у меня разве есть выбор?

— Смотря, о чём речь.

— Я не собираюсь молчать, как бессловесная овца, пока ты устраиваешь бордель у меня под носом. Мне не важно, как сложится этот брак, но это... это просто отвратительно!

Уварова мои гневные выпады не впечатлили.

— Послушай, девочка, я кое-что тебе объясню, если ты вдруг не дошла до этого своим умом. Это *мой* дом, и в нём действуют *мои* правила. Только мои. Так было, так есть и так будет. Наша свадьба ничего не изменит. А это значит, что я буду водить сюда кого захочу и делать с ними что захочу — по обоюдному, представь себе, согласию. Все свои претензии по поводу моего отвратительного поведения адресуй своему деду, которому пришла в голову блестящая мысль отдать тебя мне.

Его слова жгли меня хуже огня, но я запретила себе опускать взгляд:

— И тебя не смущает, что ты кувыркаешься в постели с другими едва ли не на глазах у будущей жены?

Мой вопрос заставил его рассмеяться, и в этом смехе было столько неприкрытой издёвки...

— «Невеста». «Жена». Ещё чуть, и я действительно начну ощущать себя гнусным изменщиком, — он склонился ко мне и понизил голос. — Мой совет, маленькая Канатас, прекрати цепляться за эти слова. Ты мне ни невеста, ни жена. И в полной мере никогда ею не станешь.

В низком голосе крылась недвусмысленная угроза, но я не была стопроцентно уверена, что понимала её истинную суть. И, кажется, это непонимание проявилось на моём лице, потому что чётко очерченные губы Уварова скривились в едкой усмешке:

— Я приложу все усилия, чтобы тебя мои измены не волновали. Ты получишь мою фамилию и финансово ни в чём нуждаться не будешь. Но дети, семья, объединённые капиталы, — он цокнул языком и покачал головой. — Нет, щенкам хитрого Зевса не достанется ни копейки. Я не собираюсь дарить ему правнуков.

— Ты... ты решил, что я после всего, что ты наговорил, захочу лечь с тобой в постель?! — меня буквально трусило от проснувшейся ненависти. — Да я бы не сделала этого, останься ты распоследним мужиком на Земле!

Дёрнувшись что было сил, я высвободилась из его хватки и помчалась по коридору, не разбирая дороги.

Уваров и не подумал меня догонять. Его счастье. Иначе словесной дуэлью на этот раз дело бы не обошлось. Сейчас я была настолько зла, что всю его холёную рожу расцарапала бы.

Вот только когда первый гнев утих и я позволила себе немного расслабиться, на смену клокотавшему внутри вулкану пришли горькие слёзы. И я даже плакать навзрыд тут не решалась — мне всё время чудилось, что за мною следят, меня подслушивают, оценивают каждое моё движение. И мне было противно даже представить, что кто-нибудь будет знать, какая же я размазня. Реву оттого, что ненавидящий меня будущий муж мне изменяет. Как раз в этом-то была своя извращённая логика...

Но мне-то как сохранять в этой кошмарной ситуации лицо? Как убедить себя примириться? И как оправдать для себя поступок своего родственника?

Поначалу я не понимала, как мой дед — родная кровь! — мог так со мной поступить, а потом, когда поток слёз поиссяк, поняла. Да что для него вообще могло значить наше родство? Для человека, который и о существовании-то моём узнал относительно недавно. Он ведь и на поиски решился, очевидно, только поэтому. Я оказалась ключом к решению его проблемы, и он безо всякого стеснения этим ключом воспользовался.

Никем я была не только для этого кошмара во плоти Уварова, но и для человека, которого успела за прошедшие два месяца посчитать своей роднёй. Вот только он никогда мне в своей родственной любви не признавался — стоило признать, тут мой дед был исключительно честен.

И, вероятно, я окончательно впала бы в отчаяние, если бы не встреча, которую повлекли за собой неумолимо приближавшиеся торжества.

Глава 5

Организацией церемонии занимались какие-то специально нанятые для этого люди. И за всё время этой странной подготовки ко мне обращались лишь в тех исключительных случаях, когда от меня этим людям было что-нибудь нужно — по большей части это касалось подвенечного платья, украшений и каких-то инструкций: из чего будет состоять церемония, кто на неё приглашён, где мне нужно будет находиться во столько-то часов и столько минут, что и кому говорить, куда идти...

Я не видела смысла о чём-то их расспрашивать, чем-то интересоваться сверх того, что мне сообщали, и уж тем более возражать. Я понимала, что из кабалы этого безумного договора мне всё равно не выбраться. Если уж казавшийся всеильным Уваров ничего не мог поделать с условиями моего предателя-деда, то я тем более. Сейчас все мои силы уходили в основном на то, чтобы просто не сойти сума — не каждый, у кого за три месяца жизнь дюжину раз перевернулась с ног на голову, сможет похвастаться тем, что остался в себе. Я вот порой нет-нет да сомневалась в том, что адекватно воспринимала реальность.

Как бы то ни было, за неделю до бракосочетания в окрестностях начали собираться гости, приглашённые на торжество. Одними из первых прибыли какие-то родственники со стороны моего отца — отца, которого я, с младенчества кочевавшая по приютам, никогда и не знала. И возможности этой мне уже никогда не представится — от деда я первым делом и узнала, что моих родителей давно нет в живых.

Тогда я возблагодарила небеса хотя бы за то, что у меня есть хоть один настоящий родственник. Кто же мог знать, что этот родственник окажется богачом, который продаст меня ради спасения своих капиталов?

А моим единственным утешением огньные становился тот факт, что на мороз мой «владелец» меня не выбросит. И на карманные расходы будет давать. Наверное. Не иначе лишь когда я пообещаю, что буду хорошо себя вести и больше не буду врываться в хозяйскую спальню, распугивая его личный гарем...

Мой жених, к слову, никакого участия в нашей встрече не принимал, ясно давая понять степень своего безразличия ко мне и моей жизни. О визите гостей меня любезно уведомил один из его многочисленных помощников — Евгений.

Гостем дома Уваровых сегодня оказалась Елена — старшая сестра моего отца, то бишь моя тётка, прибывшая на свадьбу со своим мужем.

Знакомство с этой элегантной пышной дамой поначалу складывалось неловко, но в итоге меня подкупило её вроде бы искреннее желание узнать меня ближе.

— Мы и подумать не могли, что у Сашки есть дочь, — в светло-карих глазах Елены стояли слёзы.

Я невольно заёрзала в своём кресле, блуждая взглядом по роскошным интерьерам гостиной, в которой нам устроили встречу. Господи, да я чувствовала себя здесь такой же гостьей, как и моя новообретённая тётка.

— Извините. Я и сама... я сама мало что знаю.

Елена взмахнула пухлой рукой:

— Ох, об этом не беспокойся. Бедный ребёнок, господи. Я всё понимаю. Алексей Георгиевич... мы с ним виделись, поговорили. Он ведь тоже о своей дочери столько лет ничего не слышал. Когда они с Сашкой сбежали... ой, такой дурдом начался.

Да, какая-то невероятная история Ромео и Джульетты — и с таким же трагичным финалом. Правда, в нашем случае Джульетта сбежала со своим Ромео за границу беременной, о чём, впрочем, тогда ещё и знать не знала...

— В те времена всё ещё сложнее было. У твоего деда были большие планы...

Замечательно. У него и на мою мать планы были. Божечки, так чему я тогда удивляюсь? Мне почти расхотелось слушать продолжение истории. Хотелось забиться в какой-нибудь дальний угол и попытаться хоть чуточку примириться с этой новой сумасшедшей реальностью и её бесчеловечным отношением к тем, кто не имел и шанса на эту самую реальность повлиять.

— У нас тоже всё складывалось непросто. Сашку хотели отправить на учёбу за рубеж. Он взбунтовался. Кричал, что никакие деньги ему не нужны, если он собой распоряжаться не может. Но отец... отец на него давил и... и вот как всё вышло.

— Да уж, — промямлила я, сцепляя и расцепляя пальцы сложенных на коленях рук. Как себя вести и что ей отвечать, я до конца не понимала. Я до сих пор иногда ощущала себя во сей этой фантазмагории сторонним наблюдателем, которого силой втаскивают в этот жуткий хоровод чужих планов и жизненно важных интересов.

Да как же я так умудрилась в эту золотую клетку попасть, даже и пикнуть не успев?

И пока тётка делилась со мной обрывками воспоминаний о невесёлой истории моих родителей, я начала ощущать уже привычно гнетущую тень отчаяния, накатывавшего на меня каждый раз, когда я осмеливалась хоть чуточку порассуждать о своём будущем бок о бок с человеком, который ни во что меня не ставил. Но ей совершенно неожиданно удалось вытянуть меня из этого чёрного водоворота.

— Полечка, я ведь всё понимаю.

И эти слова заставили меня встрепенуться.

— Простите?..

Елена смотрела на меня с почти материнским участием.

— Я ведь понимаю, что всё это... эта свадьба, которая как гром среди ясного неба... это вынужденный шаг, так ведь?

Ох... и я растерялась от её неожиданной проницательности. Но моя родственница не подумала на меня наседать. Она наклонилась, легонько похлопала меня по колену и пообещала:

— Я уже видела, чем заканчиваются такие вот истории с принуждением. Поэтому знай, я всегда готова помочь.

— Помочь?.. — где-то глубоко внутри в безбрежной темное забрезжила несмелая искорка надежды.

— Именно, — тётка выпрямилась и дополнила вполголоса. — Если будущий брак не принесёт тебе ничего, кроме страданий... я тебя не милость Уварова не оставлю. Мы обязательно придумаем, как одолеть этого зверя.

Глава 6

Все обязанности по приготовлениям к так называемой свадьбе он препоручил специально нанятым для этого людям. Семья в процессе не участвовала — порывавшимся вернуться из Италии матери и сестре он запретил даже думать об этом.

— Прошу, хотя бы вы не добавляйте мне головняка, — Глеб массировал висок, с внутренней тревогой разглядывая в экране «зума» густую проседь в тёмных волосах матери. А ведь ещё год назад её не было и в помине.

Только Уваровы знали, чего им стоили события прошлых месяцев.

— Глеб, но это же твоя свадьба...

Он подавил ядовитую усмешку, так и норовившую искривить его губы.

— Это выгодное соглашение, не более того.

— Но ты ведь не сможешь держать нас здесь вечность! И я хочу в конце концов познакомиться со своей будущей невесткой!

— Обязательно познакомишься, — пообещал он. — Как только здесь всё устаканится и я буду уверен, что вашей безопасности ничего не угрожает.

В синих глазах матери заблестели слёзы:

— Господи, ты так сейчас на него похож...

Глеб стиснул зубы, стараясь не обращать внимания на то, как сжалось сердце. Мать отчаянно тосковала по отцу — самой страшной потере, которую понесла их семья в разгар грызни с конкурентами и предательства, которое едва не стоило им всего.

— Ты что-нибудь слышал о Куманове?

Глеб мотнул головой:

— Об этом не переживай. Мои люди работают.

Никита Куманов — его двоюродный брат и предатель, разжёгший междоусобицу, позволившую их конкурентам решить, что рынок недвижимости обойдётся без одного из самых больших игроков.

И если бы не рука помощи от Канатаса... кто знает, смог бы Глеб Уваров доказать ошибочность подобного решения.

— Ну... хорошо. И Глеб, ты же знаешь, что я тебе доверяю. Мне больно находиться вдали от тебя, но мы с Лерой... мы будем ждать твоего решения.

— Спасибо. Я это ценю.

Он отключил видеосвязь. И вовремя — из парадной ему доложили, что его сегодняшний посетитель наконец-то прибыл.

Павел Савельев, партнёр по бизнесу и старый приятель ещё по учёбе. Он был одним из очень немногих, кто знал, что приставать к Уварову с поздравлениями и расспросами о будущей свадьбе не имело смысла.

— Ну как? — осведомился он, когда Глеб принял его в своём кабинете и, поблагодарив горничную, передал опустившемуся в кресло другу стакан его любимого виски. — Смирился?

Из окон открывался замечательный вид на кусок парка и рощу вдали, но в последнее время даже эти виды успокоения ему не приносили. На вопрос друга Глеб пожал плечами и отвёл взгляд от окна.

— Делай, что должно...

— Понимаю, — кивнул Павел. — А что с ситуацией на поле боя?

Кривить душой не имело смысла.

— Стабилизировалась. Новости о нашем с Канатасом мире разлетелись со скоростью лесного пожара.

— Ну это я могу подтвердить, — Павел сверкнул белозубой улыбкой. — Этот пожар многим пятые точки подпалил. Ты бы слышал, какие слухи курсируют по столичным клубам. Джентльмены в ярости!

— Я на это надеюсь, — мрачно усмехнулся Глеб, пригубив из своего стакана. — Только почивать на лаврах мне эта ситуация всё равно не позволит.

— Ты о чём?

— Времени мало, всё закрутилось слишком быстро, но необходимых процедур это не отменяет. Внучку нужно проверить от и до.

— Всё-таки думаешь, что Зевс подкладывает тебе в постель свою шпионку?

В постель... пусть помечтает.

— А ты бы на моём месте что думал, Паш? Девчонка появилась в нужное время как по волшебству. Я не исключаю, что отчаяние довело старика до радикального решения, и само по себе это решение — не криминал, но... Поверить, что вчерашний враг упустит такую возможность...

— А что она?

В памяти мелькнули светло-каштановые волосы и блестевшие от гневных слёз голубые глаза.

— Смотря что ты имеешь в виду.

— Ну... ведёт себя подозрительно?

И ему пришлось на мгновение задуматься, чтобы сформулировать верный ответ:

— Она... скорбит, как будто.

— Скорбит?

— По тому, что её угораздило во всё это вляпаться, — звучало так, будто он оправдывать её собрался. — Представь, вчерашняя уличная бродяжка возмущена, что выходит замуж за миллиардера. Одно это не кажется тебе подозрительным?

Павел оценил его юмор — рассмеялся, покачал головой.

— Боже, Уваров, какая ирония. Сколько баб пыталось утащить тебя к алтарю? Я и счёт потерял. А тут... потерявшаяся сиротка. Никто никогда в подобное не поверит.

Глеб посерьёзnel:

— А должны.

Друг взглянул на него поверх прозрачной кромки стакана:

— Для закрепления легенды?

— Если караулящие шакалы почуют фальшь, они обязательно этим воспользуются. И маленькая Канатас станет лезвием стилета, которое войдёт мне под ребро.

И он хотел бы следовать своим мудрым рассуждениям. Хотел бы сам считаться со своими словами, когда позже вечером, попрощавшись с другом, набирал номер Марго и приказал быть в его постели уже через час — желательно в шлейфе духов вместо одежды.

Если взбалмошная девчонка опять забредёт в его спальню, ему наверняка снова придётся за шкирку её оттуда вытаскивать.

А она снова примется верещать об унижениях и измене «невесте».

Вот бы знать, голубоглазая бестия, когда и где *ты* совершишь свою измену. Когда и где ты вынешь из-за пазухи тот самый стилет?

Глава 7

Слова Елены застряли во мне занозой — не шли из головы. Наверное, мне всё-таки стоило бы порадоваться, вздохнуть с облегчением и поблагодарить. Если уж никому во всём свете не было дела до моих интересов, то подобной поддержкой пренебрегать — просто грех, разве не так?

Я бродила по парковым дорожкам, стараясь не обращать внимания на следовавшего за мной по пятам детину с кобурой на боку, и размышляла над своим положением. Охранник тоже безуспешно пытался делать вид, что гуляет здесь исключительно по своей собственной воле. Хорошо, что моих мыслей он не слышал, а то давно бы уже настучал обо мне своему тирану-хозяину. И уж тогда мне не пришлось бы размышлять, что делать с этим внезапным открытием — оказывается, у меня в этой ситуации были союзники.

Но точно ли были?

Даром что она моя тётка. По сути такая же незнакомка, как и все, кто вошёл в мою жизнь за эти несколько месяцев. Пара тёплых слов и похлопывание по коленке — разве это достаточный повод ей доверять?

Но если не доверять вообще никому, то... то как я вообще тут выживу? Мой будущий муж меня ненавидит, моему деду на меня наплевать. У меня по-прежнему нет никого, к кому я могла бы обратиться и знать, что он не предаст и не продаст просто потому что ему это выгодно.

Впрочем, иногда судьба может пытаться переубедить нас в наших суждениях — и не всегда к худу.

Сегодня я прошла положенные мне по договору круги ада — очередную примерку платья и прочие, связанные с торжествами активности, после чего меня отпустили на все четыре стороны, а о внешнем контроле напоминал только следовавший за мной тенью охранник, стоило мне ступить за порог роскошного Уваровского особняка.

Но и здоровяк отстал от меня, когда мы вернулись в дом. Тут временами я чувствовала себя особенно одиноко — кругом постоянно сновала прислуга, какие-то люди, чьи обязанности в доме были мне неизвестны. И у всех была какая-то цель, дела, задачи — у всех, кроме меня.

Моей главной задачей было постараться не тронуться умом хотя бы до свадьбы. Дальше заглядывать в будущее я пока попросту опасалась.

И после разговора с тёткой ощущение одиночества только усугубилось, а с ним пришёл и привычный спутник — нервный голод. Мой старый приятель с самого детства — приютские кухни разносоломи не баловали, а взрослая жизнь сироты приучила меня экономить на всём, и в первую очередь, так уж вышло, на пище.

Пара месяцев жизни во дворце Алексея Георгиевича запомнилась мне в первую очередь сказочным изобилием пищи.

Поместье Уварова не стало исключением. Еда была для меня отвлечением, идеальной возможностью хоть ненадолго отодвинуть от себя сумасшествие происходящего, поставить на паузу творившийся в моей жизни необъяснимый хаос и просто насладиться... едой.

Те, кто в своей жизни долгое время не голодал, вряд ли смогли бы в полной мере меня понять. Но когда я вернулась с прогулки и, добредя до парадной лестницы, вдруг уловила аромат свежей выпечки, меня было уже не остановить.

— А вот и Полина Александровна! Добрый день! — в дверях обширной кухни, сообщавшейся, должно быть, с десятком других подсобных помещений, меня встречала пухлая светловолосая женщина в годах — Ирина Геннадиевна. Из-за её пышной, напоминавшей облачко причёски я про себя прозвала её феей.

На её приветствие я привычно потупилась, но пробормотала ответное приветствие. Мне было всё ещё не по себе, что хоть кто-то здесь смотрел на меня не искоса, с затаившимся на лице подозрением.

— Заходите-заходите. Или вы в столовой, может, предпочитаете?

— Нет-нет, — замотала я головой. — Можно я с вами... посижу?

Кухонная фея схватила меня под руку и потащила за собой.

— Вот ещё, скажете, «можно». Да вам не нужно ничего спрашивать. Полина Александровна, привыкайте-ка. Вам в этом доме распоряжаться.

Вот уж о чём мне совершенно не хотелось думать. Не собиралась я ни сейчас, ни впрямь барыню из себя строить.

— Вам перекус собрать или обед? Глеб Викторович на ходу что-то перехватил и уехал на какие-то переговоры. Теперь до вечера его жди. Ну где это видано? Невеста одна в доме мается!

Я закусила губу, стараясь не принимать близко к сердцу причитания Ирины Геннадиевны. Ей совершенно не стоило знать, как обстояли дела на самом деле. Глебу Викторовичу до своей невесты дела было меньше, чем до своего обеда.

Вчера вечером я видела мельком, как по лестнице на второй этаж поднималась та самая рыжеволосая девица, которую я недавно застучала в его постели. Нужно быть очень наивной, чтобы поверить, что мои угрозы хоть как-то на него повлияли.

И очень скоро все вокруг — как минимум в этом узком кругу — будут знать, что будущая жена Уварова — такая же деталь интерьера, как всё в его шикарном поместье. Вот на что ты обрёк меня, дедушка...

— Просто перекусить, — выдавила я, смахнув со щеки беглую слезинку.

Ирина Геннадиевна кивнула и отправилась отдать распоряжения.

А мне вдруг подумалось... что если я невольно помешала его счастью? Что если вот эта рыжая красотка из его постели или кто-то ещё... что если он кого-нибудь действительно любит, а брак с женой бывшего врага ставит крест на его счастье?

Ведь с кем-то же он вовсе не груб и даже, может быть, нежен. Кого-то целует, с кем-то делит свои радости и печали. Чьи-то руки и плечи знают его ласковое прикосновение. Да, чьи-то, но не мои. Удивительно, как после его хватки на мне синяков не осталось.

Я невольно провела ладонью по плечу, которое несколько дней назад сжимали его сильные пальцы.

Какие странные мысли. Глупые. Совершенно непрошенные.

Мне ничего этого не испытать — между нами может быть только вражда и ненависть.

И события последующих дней только убедили меня в верности моих выводов.

Глава 8

— Ты приедешь... на свадьбу? — её упоминание по-прежнему вызывало во мне стойкое сопротивление. Привыкнуть к тому, что это *моя* свадьба, не получалось, хоть убей.

Лицо Алексея Георгиевича сегодня выглядело особенно бледным. Может, освещение неудачное или камера шалила, но выглядел он нездоровым.

Боже мой, раз при таких-то деньжищах с его сердцем ничего нельзя было поделаться... Моё собственное невольно сжалось — и плевать ему было и на то, что я своего деда знала без году неделю, и что он продал меня, как овечку, на рынке. Мне больно было смотреть на то, как он угасает.

— Боюсь... — он перевёл дыхание и раздражённо отмахнулся от кого-то вне моего поля зрения, — боюсь, Поля... такого гуляния я не осилю.

Боюсь, я тоже. Но я промолчала, только кивнула.

Иронично. Приютской девчонкой я мечтала, что когда-нибудь выйду замуж, и уже тогда точно знала, что с моей стороны на свадьбу вряд или кто-нибудь явится. Потом мне привалило счастье обрести родную кровь... и даже свадьбу мне гарантировали. Вот только на ней по-прежнему никого не будет с моей стороны...

— Ты... отдыхай. Поменьше волнуйся.

Моя забота явно его развеселила.

— Уже не в этой жизни, — мрачно пошутил он. — Слишком много дел меня ждёт. Нельзя уходить, бросив всё на полпути.

Я вздохнула, переведя взгляд с экрана монитора на окно, перед которым сидела. Обстановка никак не настраивала на оптимизм.

— Как ваши с Уваровым дела?

Ну и что я могла ответить? Правду? Не жалея его слабого сердца? А нанесли бы мои слова вред его сердцу, которое, возможно, больше болело за его капиталы, чем за почти незнакомую внучку?

— Тебе разве и впрямь интересно?

— Пустых вопросов я не задаю.

Возможно, я знала бы это, если бы знала своего деда.

Я вздохнула и пожала плечами:

— Никак. Нет у нас с ним никаких дел. Он... сам по себе. Ждёт эту свадьбу, как и я, чтобы пережить и забыть.

— А говоришь, никаких.

Я распахнула глаза в удивлении, на что мой родственник фыркнул:

— Видишь, у вас двоих уже есть кое-что общее.

Его реакция заставила меня растеряться. Я попросту понять не могла, как надлежало реагировать на его столь оригинальное чувство юмора.

— Знаешь, я подумываю избавить нас обоих от этого унижения. Я ненавижу его, он ненавидит меня. Вот возьму и откажусь ехать на свадьбу. Потащат волоком — я ему прямо у алтаря откажу. Никто не заставит меня согласиться.

— Полина, — в глазах Алексея Георгиевича сверкнуло предостережение, — не совершай эту ошибку.

— Ошибка — наш будущий брак.

— Если ты закатаешь скандал, если откажешься... последствия будут необратимы.

От серьёзности в его голосе я невольно поёжилась. Он даже будто лицом потемнел.

— Запомни, как бы вы сейчас с ним ни грызлись, но только Уваров сможет о тебе позаботиться. Только он.

— Да откуда в тебе такая уверенность? Видел бы ты, как он на меня смотрит!

— Видел, — отрезал дед, и мне показалось, мы разные вещи имеем в виду. — Поэтому и говорю. Послушай своего старика, девочка. Ты позже поймёшь, почему я тебя отослал. Почему не стал держать при себе. Почему вам так важно вместе держаться. На все свои «почему» ты получишь ответы.

Господи, да что же такого важного он мне недоговаривает?

— Я не понимаю, что мешает сейчас мне всё объяснить. Ведь нельзя же мучить меня такими вот тайнами!

— Объяснить-то я могу, — покачал головой Алексей Георгиевич. — Да проку от этого не будет. Тебя мои объяснения не порадуют и с решениями моими ты не согласишься.

— И какое же великое волшебство поможет мне всё понять позже?

Деда мой скепсис враспloch не застал. Он погладил свою густую бороду и неожиданно улыбнулся:

— Время и опыт, моя девочка. Время и опыт.

Должно быть, мне стоило заучить эти его слова как мантру и постоянно повторять их себе, когда приходилось особенно тяжело.

То есть по несколько раз на дню. Особенно когда хозяин поместья работал, что называется, на дому. А случалось это намного чаще, чем мне, его невольной гостье, желалось бы.

Я странным образом почти всегда безошибочно чувствовала его присутствие в этих громадных хорах. Точно знала — он дома, хоть могла за весь день ни разу его и не видеть.

Вот и после разговора с дедом стоило мне покинуть свою комнату, как это ощущение заключило меня в свои тиски и уже не отпускало.

Выспрашивать о его местоположении прислугу я не решалась, поэтому полагалась на своё чутьё и просто надеялась, что сегодняшней день обойдётся без неприятного контакта.

И до некоторых пор всё складывалось замечательно. Меня вызвали на очередную примерку платья, пошив которого подходил к концу. Все волнения и тревоги я оставила за дверью комнаты с громадным зеркалом и удобной тумбой, на которой меня крутили туда-сюда, подгоняя наряд.

Работницы элитного авторского ателье наверняка получали бешеные деньги за свою извечную приветливость и хорошее настроение. В их окружении я и сама будто душой отдыхала — для них я была очередной богатой клиенткой, с которой они вели себя соответственно.

И в их компании я настолько расслабилась, что даже не повернулась на стук открывшейся двери. Вздрогнула и обернулась, только когда от входа раздалось хрипловатое:

— Оставьте нас.

На пороге импровизированной примерочной стоял мой хмурый жених.

Глава 9

Как там говорят? Жениху не положено видеть невесту в платье до свадьбы?

Думаю, мне об этом суеверии можно было не переживать. О том, что меня ждёт исключительно несчастный брак, я знала сразу. Поэтому к чёрту дурные приметы. Они лишь подтверждали и без того очевидное.

Девчонки из ателье и слова поперёк не посмели ему вымолвить. Пробормотали приветствие, оставили все свои дела, и, украдкой бросая на Уварова взгляды, покинули комнату. Через минуту мы остались с ним наедине.

В незаконченном платье, частично державшемся на приколотых тут и там иголках, сложновато было стоять, не говоря уж о том, чтобы двигаться. Поэтому я так и торчала на тумбе, как недонаряженная новогодняя ёлка. По крайней мере, так я себя ощущала.

Уваров, заложив руки за спину, прогулочным шагом приблизился к тумбе и обошёл её по дуге, рассматривая меня и моё платье. Будто я не живой человек, а неодушевлённый экспонат, манекен с нацепленной на него заготовкой.

Холодный, бесстрастный взгляд опытного оценщика.

— То есть... я за *это* плачу свои деньги?

Вопрос... неожиданный. Если честно, я понятия не имела, кто за всё это платил. Кто платил за что бы то ни было. Алексей Георгиевич снял с меня как минимум одну обязанность, преследовавшую меня всю мою сознательную жизнь, — приказал забыть о деньгах. Это вдруг стало совсем не моей заботой. И в последнее время — каюсь, грешна — я выбросила финансовые вопросы из головы. Не до того вдруг оказалось.

— Я... понятия не имею, — честно призналась я, на время позабыв даже, как я его ненавижу. — А что... что, с ним что-то не так?

И я невольно опустила взгляд на пышную белоснежную юбку, красивыми складками опускавшуюся до самой тумбы.

— Выглядит... скучно.

Я уставилась на него, позабыв, как приятно под пальцами струилась дорогушая ткань. Взгляд Уварова сосредоточился в районе моей талии.

— Это корсет?

— Что?

— На тебе корсет?

— Н-нет. Нет на мне никакого корсета.

В чёрных глазах промелькнуло нечто странное — тёмное и опасное. Но через мгновение пропало, будто и не бывало. В лицо он мне посмотрел уже с привычной скукой во взгляде.

— Наверное, неудивительно.

— Неудивительно — что?

— Что платье сидит так несуразно. Ты для него слишком тощая.

Я сглотнула. Ну и сволочь же...

— Если... если платье настолько невзрачное и... и тебя его оплата обременяет, я сегодня же позвоню Алексею Георгиевичу...

— Уже научилась клянуть деньги у старика? — оборвал он меня, чёрный взгляд помрачнел. — Молодец, способная. Быстро учишься. В семейной жизни без этого в целом никак.

Этого хватило, чтобы гнев застлал мне глаза, окрасив мир в красное:

— Мне тебя жаль, если в вашем мире богатых и знаменитых все жёны такие. Но, наверное, и неудивительно. Падение нравов среди богачей — обычное дело.

Чёрный взгляд впивался в меня — пытался зацепить, словно когтем:

— По-прежнему ревнуешь к Марго, которая греет мне постель вместо тебя?

Перед глазами теперь натурально плясали кровавые мальчишки:

— Ах ты ж...

— Какие наставления дал тебе дед? — перебил он меня тоном, не допускавшим возражений. Вот так приказывают заткнуться, не произнеся приказа вслух.

Я невольно проглотила остаток своей оскорбительной фразы:

— Что?..

— Проблемы со слухом?

— А у тебя с головой? — огрызнулась я наконец. — Я просто не понимаю, причём здесь...

— Уверен, на свадьбу Алексис не явится. Сошлётся на слабое здоровье или вообще не станет себя утруждать объяснениями. Он давал тебе какие-нибудь инструкции на день торжества?

— Инструкции?.. Какие он мог давать мне инструкции?

— Вот и я бы хотел это знать.

Невзирая на то, что я стояла на тумбе, наши взгляды с Уваровым сейчас были вровень — наверное, только поэтому скрытый гнев, которым он горел, не испугал меня так, как мог бы, спустись я на пол.

— Не поверю, что Зевс ничего на торжество не задумал.

Только теперь до меня стало доходить:

— Ты... ты в чём-то его подозреваешь?

— Не исключаю никаких вероятностей. Не исключаю, что он готовит мне к торжеству какой-нибудь не очень приятный сюрприз.

— Это уже какая-то паранойя... Мы... нет... мы просто говорили!

— Смешно. Канатас не из тех, кто тратит время на пустые беседы. Особенно сейчас.

Ну всё, довольно. С меня на сегодня хватит.

— Как здорово, что ты это знаешь, — я сжала подол в кулаках, забыв, что комкаю драгоценную ткань. — Мне вот подобные тонкости неизвестны. Угадай почему!

— Не хватает ума?

Я сползла со своей тумбы и, наплевав на опасность, шагнула к нему:

— Не хватало его. Его мне не хватало! Мой дед по сути чужой мне человек! И раз уж ты так хорошо его знаешь, то впору подумать, что он дал бы эти инструкции *тебе*. Мне — незнакомке — он подобное вряд ли бы стал доверять!

Подхватив рукам тяжёлый подол, но всё равно умудряясь путаться в ткани, я поковыляла к выходу. Уваров меня не окликнул, не остановил. И не видел. Вплоть до дня икс — до свадебного торжества.

Самого чёрного дня в моей жизни.

Глава 10

Белоснежное, серебристо-зелёное и золотое.
Вспышки фотокамер, мириады уютно-жёлтых светильников-звёзд.
Пышные гирлянды свежих цветов. Сногшибательные ароматы.
Мягкое тепло летнего дня и прохлады кристально чистого озера.
Ажурные беседки, вышколенные официанты в чёрном и белом. Взрывы смеха и взгляды, взгляды, взгляды...

Элегантные гости, ангельская музыка живого оркестра в убранной живыми цветами ротонде.

Речь распорядителя.

Невыносимая тишина.

Его равнодушное «Да».

И моё ответное «Да» — нервное, едва слышное.

Шлейф пустых разговоров, калейдоскоп улыбок, не касавшихся глаз, и до тошноты неискренних поздравлений. Чужие, незнакомые лица.

Моя дрожащая рука на сгибе его локтя — окаменевшего, будто и неживого.

Неимоверное напряжение чуть-чуть разжало свои жуткие когти, когда церемония осталась далеко позади, и гости расселись под исполинским навесом, убранном с изумительной роскошью.

Я тайком смахнула слезу со щеки. Эта свадьба... она выглядела в сто раз кошмарнее из-за царившей вокруг неземной красоты.

В озере, на берегу которого высился шатёр, плавали лебеди. Ивы клонили к воде свои густые зелёные гривы.

Всё это... всё это было слишком красиво, чтобы становиться декорацией к жуткому фарсу под названием «Свадьба магната Уварова».

Тут и там сновали репортёры светской хроники. Ко мне их, впрочем, не подпускали. Охрана моего теперь уже мужа следила за ними особенно зорко.

А муж... мой муж за весь сегодняшний день едва ли взгляд на мне задержал. Куда больше внимания он уделял окружающим.

За весь день я не вымолвила ни слова, если не считать того проклятого, лживого «Да», которого от меня требовал договор.

К концу вечера я почти уверилась в том, что ко мне не позволяли подпускать вообще никого, не только досужих репортёров. А они так и рыскали в разодетой толпе, сканировали меня взглядами, за малым не облизываясь. Видит око, да зуб неймёт. Никто из них так и не набрался смелости приблизиться.

Но когда прозвучали первые тосты, и Уваров с явным облегчением покинул наш столик, пропав в толпе праздновавших, ко мне пробралась моя находчивая тётка.

— Господи, Полечка, ты на ангелочка похожа. До чего же красавица! И платье-то, платье...

Кажется, Елена успела воздать должное шампанскому, потому что схватила со стола салфетку и приложила её к краю густо подведённого глаза.

Оставалось только гадать: то ли её привёл в восторг мой наряд, то ли я выглядела настолько несчастной, что это её в край разжалобило.

— Спасибо, — я распрямила складки пышной юбки. — Хотя кому-то мой наряд не показался скучным.

В памяти мелькнул чёрный взгляд, блуждавший по моей затянутой в полуготовое платье фигуре.

— Что, прости?..

— Ничего, — спохватилась я, замотав головой. — Так... вспомнилось. Платье красивое, но тяжеловатое.

— Ну денёк-то можно потерпеть, верно?

Я ответила улыбкой на улыбку — исключительно из вежливости. Потерпеть, да только ради чего? Ради обстоятельств, вынудивших меня остаться без работы и жилья, зато приведших к спасшему меня от нищеты деду? Или ради его строгого напоминания: «Полина, теперь этот мир о тебе знает. И многие захотят этим воспользоваться. На тебя будут охотиться и тебе потребуется защита».

Но кто же знал, что под защитой он понимал... это.

— Ну а в целом-то, Польша, а в целом-то... ты как?

Хороший вопрос.

— Держусь, — улыбнулась я, устав притворяться. Голова начинала болеть от обилия шпилек, державших мой с обманчивой небрежностью скрученный на затылке узел. — Всё... нормально.

Елена снизила голос едва не до шёпота:

— Польша, я тебе вот что скажу... Нет, не просто скажу, посоветую. Ты привыкай. Привыкай к новой жизни, к... к мужу своему, насколько возможно, привыкай. Это тебе пригодится.

Кажется, скоро моя несчастная голова заболит ещё и от этого — от новых тайн и загадок. Мне ведь мало миллиона уже имеющихся.

— И где мне такое могло бы вдруг пригодиться?

— Информация может стать оружием, — шепнула тётка. — И никогда не знаешь, какая мелочь в итоге сыграет роль. Поэтому... наблюдай, слушай, запоминай. Ничем в этом деле не брезгуй, слышишь? Это, сложно, конечно, так сразу в себе развить, но ты постарайся.

В моей голове уже зароился десяток вопросов. Но ожидала ли я получить хоть какой-то ответ? Во мне, будто в собаке Павлова, выработался условный рефлекс: спроси что-нибудь, и в ответ ничего не получишь, сколько слюной ни исходи.

— Но не могу же я круглые сутки быть настороже. Так меня надолго не хватит.

Моей тётке хватило человеколюбия объяснить:

— Ты просто наблюдай. Примечай, кто у него гостит, с кем и о чём он говорит. Что его расстраивает и что радует. Ты доверься себе. У нас, женщин, чутьё на это развито от природы. Чувствуй подвох — присматривайся и прислушивайся.

— Для чего?

Она медленно выдохнула:

— Для возможности позже всё это использовать, скажем так, к своей выгоде.

— Где использовать? — не унималась я.

Но тётка уже поднялась и, прежде чем раствориться в толпе, шепнула:

— Всё — позже. Просто знай, твой дед был неправ, решив примириться с Уваровым.

И она будто подтвердила свои же слова о женском чутьё, потому что стоило ей исчезнуть, как из толпы вынырнул новобрачный. Он приблизился к нашему столу и протянул мне руку, а на мой изумлённый взгляд процедил:

— Танец.

Следом неуместно радостный голос распорядителя объявил:

— А сейчас жених приглашает невесту!

Глава 11

В этом своём платье девчонка сияла каким-то непостижимым, ангельским светом. И, возможно, теперь он понимал, почему старый Канатас так стремился подложить под него свою внучку.

Соблазнительная невинность. Идеальная западня.

Такие создания не берут в плен и не терпят сопротивления.

Покорись — и тебе гарантирован рай.

Просто доверься инстинктам.

Чего стоит, Уваров, вереница твоих искушённых, но больше не умевших ничем удивить спутниц, когда в твоей власти сама чистота во плоти?

Послушная, кроткая, и с сегодняшнего дня — твоя по праву.

Бери, пользуйся, получай удовольствие.

Такой был расчёт? На это ставил многомудрый Зевс?

С чего он решил, что новоиспечённый союзник поддастся? Она не смогла бы вскружить ему голову.

Всё это сейчас — работа портних и стилистов. Она не красавица. Не для него. Она не...

— Глеб Викторович.

Он моргнул и оторвал от неё взгляд. Перед ним высился начальник охраны сегодняшнего мероприятия:

— Слушаю.

— Глеб Викторович, по внешнему периметру всё чисто. По списку гостей — тоже всё в порядке. Ребята работают. Всё штатно.

Это ещё не показатель. Любой в этой толпе мог быть бомбой замедленного действия. И дай бог, лишь фигурально выражаясь. Впрочем, на это ему и меры повышенной безопасности.

— Отлично, — Глеб поставил опустевший бокал на разнос пробежавшего мимо официанта. — Но смотрите в оба. Ещё не вечер.

Начальник охраны кивнул и ретировался.

Глеб огляделся — душой-то слегка покривил. Вечер уже окутывал мир в розоватые сумерки.

Он взглянул на часы, потом — на сцену далеко впереди. Там уже суетились устроители. Ведущий проверял микрофон.

Время танца. Играть роль хотя бы условно счастливых новобрачных им сегодня придётся до последнего.

Он успел вернуться к столу за мгновение до объявления. «Ангелок», завидев его, вся так и скукожилась. А стоило ему протянуть к ней руку — как будто искренне испугалась.

Почему? С чего ей пугаться? Что-то скрывала? Ну не муки же совести.

Пожалуй, она была бы не прочь, если бы кто-нибудь сегодня действительно покусился на жизнь и здоровье её новоиспечённого мужа. И она тут не единственный выгодополучатель.

Сколько в толпе крылось тех, кто явился сюда, чтобы прощупать обстановку и примериться, куда выгоднее вонзить свои зубы. Так, чтобы жертва подёргалась совсем чуть и поскорее истекла кровью.

Сегодня с утра охране удалось засечь кое-какую подозрительную активность, позже оказалось — ложная тревога. Но это не значит, что настало время расслабиться.

Наблюдать и ожидать всего — этот режим он отключит только когда за ним закроются двери его особняка. Только тогда он позволит себе короткую передышку.

А пока...

Его ладонь легла ей на спину, и она тут же выпрямилась, будто кол проглотила. Будто его прикосновение её обожгло.

Ей страшно? Неприятно? Противно?

От этих мыслей он ощутил порыв непонятого раздражения.

Пусть привыкает — впереди у них долгая гастроль. Им ещё чёрт знает сколько предстоит играть до тошноты счастливых супругов.

— Улыбайся, — процедил он.

Она взметнула на него озадаченный взгляд:

— Что?

— Улыбайся. Выглядишь так, будто присутствуешь на собственных похоронах.

— Будто?

И он усмехнулся её выпад.

— Ты отхватила самого желанного холостяка в округе. Веди себя соответственно.

Он почуял дрогнувшую в его руке ладонь и поспешно сжал пальцы. Не сбежишь, маленькая бродяжка.

Голубые глаза сверкнули:

— Я с радостью уступлю эту привилегию любой, которая пожелает оказаться на моём месте. Да хоть твоей рыжей пассии.

Он привлёк её ближе — под пальцами не обнаружилось ни шнуровки, ни уса, ни жёстких рёбер корсета.

Не врала. Стройная от природы.

И — не врала. Она с радостью обменялась бы ролями с любой из армии тех, кто бросал на него сегодня завистливые взгляды.

Сколько ещё раз она не солгала. А сколько — солгала, прикидываясь ангелочком? Сколько лжи за этим небесно-голубым взглядом?

— С тёткой своей болтала?

— А это запрещено?

— О чём?

— О еде и напитках.

— Я очень надеюсь, что мы не ударили в грязь лицом перед твоими драгоценными родственниками.

— Ты действительно об этом переживаешь?

— Советую не смотреть на меня так, будто хочешь вцепиться в меня прямо здесь, при свидетелях. В твоих же, поверь, интересах изображать из себя, ну, знаешь... невесту.

— Жёну, — неожиданно поправила его она.

Глеб скривил губы:

— Входишь во вкус?

— Пытаюсь смириться.

— Хреново выходит.

— Извини, — процедила она тоном совсем не извиняющимся. — Врать не приучена. И притворяться — совсем не моё.

Это, пожалуй, лучшая шутка, какую он слышал за сегодняшний вечер.

— Тогда предлагаю заканчивать этот откровенно слабо сыгранный фарс, — он взял её за руку и, не дожидаясь, пока стихнет музыка, сделал знак распорядителю.

Представление на сегодня окончено. Гости, конечно, поймут. Новобрачным не терпелось остаться наедине.

Как-никак впереди у них первая брачная ночь.

Глава 12

Уваров тащил меня прочь из шатра, на выходе из которого нас уже поджидало роскошное авто.

— Куда мы...

— Садись, — велел он и таки снизошёл помочь мне с пышными юбками, бесцеремонно скомкав из и запихнув в салон вслед за мной.

Дверца хлопнула, а через минуту авто уже мчалось куда-то, оставляя позади сказочно красивые декорации, в которых сегодня разыгрался фарс, не достойный ничего, кроме сожаления.

Я очень устала, и этот внезапный побег на самом деле стал для меня освобождением — я наконец-то позволила себе ссутулиться и медленно выдохнуть. Сидевший рядом Уваров отвернулся к окну, и я не стала донимать его расспросами. Я настолько выдохлась, что мне было почти всё равно, куда и почему мы так стремительно сбежали.

Переведя дух, я принялась выдёргивать из причёски бесконечные шпильки и потратила на это утомительное занятие почти весь остаток пути. И когда на подоле собралась целая горка проклятых железячек, авто вкатило нас на подъездную площадку Уваровского особняка.

Я и не думала, что когда-нибудь буду так рада видеть его обширный элегантный фасад из серого камня.

Это значит, сейчас меня наконец-то оставят в покое, я вылезу из своих белоснежных доспехов, приму долгожданный душ и...

Дверца открылась, шофёр подал мне руку, но дальше всё пошло совсем не так, как я себе представляла.

В сгустившихся сумерках особняк выглядел... необитаемым. Только наружное освещение и сумрачный свет кое-где в окнах второго этажа.

Я обернулась на подставившего мне локоть Уварова и машинально вцепилась в него:

— А... что-то случилось?

Он бросил беглый взгляд на окна и кивнул:

— Случилось. Траур по моей прежней жизни.

У меня даже рот приоткрылся от удивления. Что за больные шутки?..

— Это... это *так* твоё окружение свадьбу решило отметить?

— Нет, — он потащил меня к крыльцу. — Это моё распоряжение. В доме сегодня никого нет, кроме самой необходимой прислуги.

Я всё ещё пыталась сообразить, почему и зачем этому странному человеку пришло в голову отдавать подобные распоряжения, когда мы поднялись на второй этаж и он направился в крыло, где я прежде никогда не бывала.

— Но моя комната в другой стороне...

Уваров никак не отреагировал на моё напоминание. Дошагал до двустворчатых дверей с изящной отделкой, отпустил мою руку, распахнул их и отступил, пропуская меня внутрь.

— Входи, — велел он. — Не торчи на пороге. Теперь *это* твоя комната. Все твои вещи уже перенесли.

Мне ничего не оставалось. С его исключительно приказным тоном спорить было бы бесполезно. Я вошла. И остановилась как вкопанная, пока он стаскивал с себя пиджак, нетерпеливо избавлялся от бабочки и расстёгивал верхние пуговицы своей белой рубашки.

Обширнейшая гостиная с окнами в сад поражала богатством отделки, но сейчас поразило меня вовсе не это, а видневшейся через распахнутую внутреннюю дверь хозяйская спальня — не менее роскошная, с неприлично широкой двуспальной кроватью.

Это никак не моя спальня, это... это *наша* спальня. Спальня женатой пары, кем мы отныне являлись, хотелось мне того или нет.

— У нас... здесь... здесь есть вторая постель? Или диван? Или... или софа какая-нибудь?

Он остановился у кресла, в которое скинул свой пиджак, сунул руки в карманы брюк и смотрел на меня так, будто я отколола какую-то исключительно забавную шутку.

Я пыталась бесстрастно смотреть на него в ответ, но почему-то никак не могла сосредоточиться. От его внушительной фигуры веяло угрозой — ощущение было такое, будто я очутилась в одной клетке с опаснейшим зверем, который, быть может, пока и не спешил нападать, но это было лишь вопросом времени.

Потому что он уже почти скалился, уже выпускал свои страшные когти.

— Ты лишила себя отдельной постели. Сама.

— Не припомню такого.

— Когда ответила «Да» у алтаря. Какая у тебя, однако, короткая память, — он не смотрел мне в глаза, а, кажется, рассматривал мои волосы.

Могу себе только представить, как я сейчас выглядела — в измятом свадебном платье и с хаотично рассыпавшимися по плечам локонами. Да и весь этот макияж давно пора смыть — сейчас он давил на меня, будто глиняная маска.

— Вот бы она была ещё покороче, — огрызнулась я, — тогда я могла бы забыть этот день.

Он хмыкнул, и меня это ожидаемо завело.

— Будто я не понимаю, что моё «Нет» роли никакой не играло!

Дед ясно дал мне понять — после его скорой кончины меня просто сожрут, я снова пойду по миру. И это в лучшем случае. Выиграть войну с конкурентами Канатасам поможет только Уваров, и надёжнее любых контрактов сделку скрепит этот брак. Дед что-то знал, но этим знанием делиться совсем не спешил.

— Послушная внучка, — протянул Уваров с издёвкой, — в одном шаге от послушной жены.

— Даже не рассчитывай на это, — вспыхнула я.

Он ответил мне пристальным взглядом:

— Довольно склок на сегодня. День был долгим.

Ну наконец-то. Свобода...

Я расслабила плечи и отвернулась, чтобы отправиться на поиски хоть какого-то места для отдыха, но его слова пригвоздили меня к месту.

— Закрой двери. Приглуши свет. И раздевайся.

Глава 13

Я застыла, позабыв как дышать.

Да нет же... нет. Ослышалась.

Ну конечно, ослышалась. По-другому и быть не могло.

— Снимай свой наряд.

Нет. Не ослышалась.

Мне пришлось снова к нему повернуться. Это... это очередная идиотская шутка?

Но на застывшем лице моего теперь уже мужа не было ни намёка на улыбку. Он вынул из кармана брюк телефон, взглянул на засветившийся экран — очевидно, что-то прочёл, — а потом бросил его на кресло, прямо поверх валявшегося там пиджака. Поднял взгляд на меня — не взгляд, а штормовое предупреждение.

— Ну?

— Что... ну?

Уголок его рта дёрнулся, будто он скрывал усмешку:

— Я велел тебе раздеваться. Или наряд настолько пришёлся тебе по душе, что ты собралась таскать его до самого утра?

Ничего сильнее я сейчас не хотела, чем избавиться от этого платья, но не подобным же образом!

Я вцепилась в тяжеленные юбки, будто готовилась в случае чего ринуться наутёк.

— Это совершенно не твоя забота! Как тебе только в голову пришло требовать от меня подобное?

— Тебе снова память отшибло?

— Если ты думаешь, что брачные клятвы позволяют тебе требовать от меня такие вот непотребства...

— Позволяют, — оборвал он угрожающе. — Я исполнил свою часть договора. Заключил эту чёртову сделку. И хочу посмотреть, *что* по её условиям приобрёл. Подозреваю, овчинка не стоила выделки.

Жар со скоростью света залил меня до самой макушки, и я не понимала, что возмутило меня сильнее: его уверенность в том, что заключение брака даёт ему права распоряжаться мною, как вещью, или его сомнения в том, что я вообще достойна внимания.

Сволочь! Сволочь в квадрате!

— Какое же ты... какое же ты ч-чудовище, — пробормотала я, продолжая комкать несчастные юбки.

— Как угодно. Это не худшее, что мне доводилось о себе слышать, — он приподнял бровь. — Ну так что? Или сама раздеться ты не в состоянии?

— Я н-не собираюсь потакать твоим... твоим больным фантазиям, — всё внутри ходило ходуном, я едва слова выговаривала.

— Это первая брачная ночь. Нас сковал договор. Смирись с этим, бродяжка.

Я замотала головой:

— Это... бред. Ты же сам мне сказал, что спать со мной не собираешься!

И вот тут насмешка наконец-то выползла на его губы — хищная, так и не коснувшаяся глаз.

— Разве кто-нибудь говорил о постели?

Захотелось как следует впечатать кулак в его тяжеленную челюсть, чтобы заставить его губы скривиться от боли.

— Ты... ты просто хочешь меня унижить, — догадалась я. — Напомнить мне, где моё место. Напомнить, что теперь волен делать со мной, что тебе заблагорассудится. Хочешь отомстить *мне* за решение моего деда.

— К которому ты никого отношения, конечно же, не имеешь.

— К его решению выдать меня за... за тебя? — опешила я. — А разве кто-нибудь в своём уме захотел бы пойти за такого, как ты?!

И мне, кажется, удалось, метнуть достаточно увесистый камушек, пустивший трещину по этому фасаду мрачной невозмутимости.

Уваров вынул руки из карманов брюк и шагнул ко мне. Я невольно отступила назад, приподнимая подол платья, чтобы не путался под ногами.

— То есть вчерашняя сирота без гроша за душой воротила бы нос от подобного брака?

— Это омерзительно, — я отступила ещё на шаг, — омерзительно всё мерить деньгами.

— Неужели? И где бы ты сейчас была без денег своего деда?

— Да какая тебе разница! — рывкнула я. — Где угодно, но точно не здесь, не на правах пустого места! И после такого вот отношения ты ещё смеешь предполагать, что я по доброй воле пошла за тебя замуж? Да мне смотреть на тебя тошно!

Не знаю, как он это сделал. Зато знаю, насколько неуклюжей и медлительной оказалась я. Уваров в мгновение ока уничтожил расстояние между нами, и опомнилась я только когда его пальцы впились в мои руки повыше локтей.

— Тошно? — переспросил он до странности низким голосом.

Я горела. Голова шла кругом. От него пахло каким-то безумно приятным парфюмом, и это совсем не вязалось с тем, что я сейчас к нему чувствовала. Это несправедливо! Мне не должен нравиться его парфюм!

— Тошно, — процедила я, — до умопомрачения.

Он изучал моё лицо с методичностью следователя на допросе:

— Многое отдал бы, чтобы узнать, что ты скрываешь за этими взрывами праведного гнева, маленькая Канатас. Какую интригу плетёшь и что тебе за её успех пообещали.

— Я понятия не имею, о чём ты говоришь, — все мои попытки вырваться ни к чему не привели. — Ты просто чёртов параноик, вот и всё.

— Я жив благодаря тому, что ты зовёшь паранойей.

— И очень жаль! — слова слетели с моего языка прежде, чем я смогла его прикусить.

Он замер на миг, но потом совершенно неожиданно усмехнулся:

— Порой я тоже так думаю.

Я невольно сглотнула. В его голосе звучала странная горечь, но он не позволил мне на ней сосредоточиться, скользнул взглядом по вырезу моего платья и напомнил:

— Но сегодня я жив. Я здесь. И я требую, чтобы ты разделась.

— Требуй это от своей рыжей подруги, — прорычала я. — Она перед тобой не только разденется, но и ноги раздвинет. А я ни того, ни другого делать не буду!

Какое-то время мы меряли друг друга взглядами. А потом Уваров вдруг отступил.

— Предлагаешь мне нашу первую брачную ночь провести с любовницей?

Я открыла рот, и закрыла его, не зная, что сказать.

— Помни, это твоя идея, — бросил он, обернулся, подхватил из кресла свой телефон и покинул гостиную.

Глава 14

Его холостяцкую спальню в противоположном крыле предусмотрительно трогать не стали. Он запретил. Знал, что оставит большие покои за ней, потому что пускать в свою постель эту змею с ядовитым языком не планировал ни прежде, ни уж тем более сейчас.

Параноик. Она назвала его параноиком.

Так могла рассуждать только глупая, наивная девчонка, понятия не имевшая о том, в каком мире он жил.

Открыто общаться, делиться своими мыслями, соображениями, планами или — ха-ха! — кому-нибудь доверять?

Да это верный путь в могилу — и для тебя, и для всех, кто тебе дорог.

К слову о доверии. Пока маленькая Канатас строила из себя невинное дитя, ему на телефон приходили доклады. И с каждым новым сообщением желание выбить почву у неё из-под ног лишь увеличивалось.

Он не собирался её донимать. Максимум сопровождал бы до дверей их спальни и отбыл восвояси.

Два бокала шампанского уж точно не толкнули бы его на приказ, от которого невинную овечку едва удар не хватил.

Невинную... как же. Поверить в невинность и чистоту вчерашней бродяжки, непонятно где и с кем якшавшейся все эти годы...

Глеб вошёл в свои покои, достал телефон и перечитал сообщения.

Кроме всего прочего, охране удалось засечь подозрительных личностей, крутившихся среди персонала, обслуживавшего торжество. Крысёнышам удалось смыться, растворившись в толпе, но Астахов, начальник охраны, заверил, что непосредственной угрозы они не несли, но что-то разнюхивали. Приставали с расспросами к официантам.

Пара других оперативных докладов касалась кое-кого из родни со стороны невесты. Ничего, серьёзные разговоры, отдельные личности себе не позволяли, но с разговоров как раз всё и начинается. Могла ли Канатас что-нибудь знать об этих разговорах? О чём говорила со своей тёткой? Всё это ещё предстояло выяснить.

Глеб назначил встречу с Астаховым на завтрашнее утро — обсудят всё подробно и решат, как действовать дальше.

А сегодня... сегодня у него, мать его, выходной. В честь того, что он повесил себе на шею врага с самым удобным доступом к телу. Если только девчонка захочет, если у неё хватит на это злости и смелости, она без труда доберётся до его глотки.

И Уваровы падут. А его матери, сестре и малышам-племянникам придётся рассчитывать только на тех, кто их сейчас охраняет.

Не самые радужные перспективы, не самые подходящие мысли в день, который обыкновенно считают счастливым.

Глеб отыскал номер в списке.

Пора хоть как-то скрасить остатки «праздничного» вечера.

Его молодая жена посоветовала ему вызвать Марго. Он будет послушным мальчиком.

— Где ты? Дома?

— Дома.

— Собирайся. Жду тебя через час.

— А как же твоя истеричка? Глеб, у тебя же...

— Никаких вопросов. И... надень белое. Надень белое платье.

— Но у меня нет...

— Мне всё равно. Отыщи. Белое. В пол.

В опустевшем поместье стояла непривычная тишина. Она давила на него и в то же время странным образом умиротворяла. Время тянулось, но он не был против — он коротал его со стаканом скотча в руке — не худшая компания, учитывая обстоятельства.

Вечер угас, в спальне сгустилась приятная тьма, дарившая благословенное ощущение оторванности от всего мира.

С охранного пункта позвонили — Марго прибыла.

— Пусть поднимается.

Привычное ощущение предвкушения сегодня отсутствовало.

Не страшно. Ему просто нужно забыться. Сгорать от страсти он как-то и не привык. Для того чтобы чувствовать нечто подобное, наверное, нужно влюбиться или что-то вроде того.

Дверь отворилась. На пороге замаячила фигура в белом.

Умница. Всё же что-то в своём гардеробе нашла.

— Глеб...

— Свет... не включай, — он выбрался из кресла.

Белое платье будто светилось в густой темноте.

— Но я тебя не вижу.

— Молчи.

Сегодня он не хотел, чтобы она говорила. Не хотел видеть её лица. И не хотел размышлять, почему.

Платье было атласным. Скольким на ощупь.

Он обвил её талию. Под пальцами привычные линии и изгибы. Изученные вдоль и поперёк.

Она томно вздыхает, прижимаясь к нему.

Он опускает руки на её упругие ягодички. Ожидание привычной вспышки желания почему-то затягивается.

Он поднимает руки, запускает пальцы в её длинные волосы. Отыскивает полные губы. И всё вроде бы так, как и всегда... Всё наверняка, как и всегда... но не работает.

Марго постанывает. Она хочет его. Он это чувствует. Опускает руки вдоль её спины — раздражающе гладкая ткань. Совсем не такая, как...

Эта мысль врывается в мозг раскалённой молнией. И темнота вдруг расцветивается в беспощадно белый.

Марго замирает, почувствовав перемену.

— Что-то... что-то не так?

А в его голове ещё крутятся, крутятся яркие вспышки-воспоминания. Гибкая талия под его ладонью. Порозовевшая кожа плеч над белоснежным корсажем. Горящий ненавистью взгляд.

Какого...

Его пальцы конвульсивно вжимаются в складки атласного платья, а в голове так и стучит: «Не то, не то, не то».

— Глеб?

Её неожиданный оклик почти заставил его вздрогнуть. Он отступил с непонятным для себя облегчением. Тряхнул головой, пытаясь согнать наваждение.

— Уходи.

— Что?..

— Тебя отвезут. Я... у меня дела. Уходи.

Глава 15

Спала я плохо. Очень надеялась, что мне удастся просто вырубиться после всех тревожных ужасающе длинного дня. Но куда там...

Чертыхаясь и безбожно потея, я кое-как выкарабкалась из своего платья, и всё время перед глазами стоял этот проклятый взгляд, а в ушах звучало властное «Раздевайся».

И я почему-то начинала ещё яростнее дёргать за завязки и ещё сильнее потеть.

До чего же он меня ненавидел. До чего же стремился окончательно растоптать всё, что осталось от моего и без того потрёпанного достоинства.

Можно подумать, я сама не понимала, что мне здесь не место. Можно подумать, я сюда стремилась!

Впрочем, этот опасный сумасшедший как раз в этом, видимо, меня и подозревает.

Наскоро приняв душ и закутавшись в безразмерный махровый халат, я бродила по внутренним комнатам, качая головой и цокая языком — настоящие королевские покои. И как можно жить в этой музейной роскоши? Да на эти интерьеры дышать страшно, не то чтобы тут обитать...

От разглядывания комнат меня отвлёк звук подъехавшего к парадному крыльцу авто. Я подошла к одному из французских окон — створка была приоткрыта, впуская внутрь свежий вечерний воздух.

Я осторожно выглянула из-за занавесей, и сердце невольно дрогнуло.

Из утробы роскошного чёрного Audi выпорхнула рыжеволосая красотка, манерно хихикнувшая подававшему ей руку шофёру.

Уваров последовал моему совету.

Я отшатнулась от окна, плотнее закуталась в халат и отправилась в спальню. Разглядывать интерьеры расхотелось.

Но я вовсе не потому плохо спала. Совсем не потому. Нет, конечно же, не потому.

Просто всё это было уж слишком. Слишком много нервов, переживаний, слишком много... его.

Вот если бы можно было сделать так, чтобы мы пореже виделись.

Но следующее же утро лишило меня всяких иллюзий на этот счёт.

Я едва успела продрать глаза, как по внутренней связи очень вежливый некто сообщил, что меня ожидают к завтраку.

Главная столовая встречала пышно накрытым столом, сервированным на двоих. Во главе, уткнувшись в планшет, сидел Уваров.

Мой... муж.

От одной мысли мне становилось совсем не до завтрака.

Но я распрямила плечи, вошла в столовую и под приветствие хлопотавшей у стола Ирины Геннадиевны села на своё место, по левую руку от хозяина особняка.

Управляющая кухней была одной из немногих, кого вчерашний исход из поместья не коснулся — она отвечала за то, чтобы все были накормлены. Ответственное дело, как по мне.

Ирина Геннадиевна принесла нам свои искренние поздравления и анонсировала «праздничный завтрак». Хотя тут в пору было поминки справлять.

Мы не сказали друг другу ни слова. Я не смогла выдавить из себя приветствие. От Уварова подобной роскоши можно было и не ждать.

Управляющая отправилась на кухню распоряжаться. Мы остались одни в просторной, залитой светом нового дня столовой.

Два озлобленных незнакомца, связанные дьявольской сделкой, от которой ни один из нас никаких выгод пока увидеть не мог.

— Моя мать хотела бы с тобой познакомиться. И сестра.

От неожиданности я даже вздрогнула. Не думала, что мы вообще заговорим.

— У тебя есть сестра? — брякнула я.

Это заставило его оторвать взгляд от планшета и посмотреть на меня:

— А разве у таких сволочей, как я, не может быть сестёр?

— Я... я не это имела в виду.

Его взгляд не покидал моего лица:

— Не беспокойся. Она не унаследовала мой дерьмовый характер. Валерия — замечательный человек.

— Рада слышать. Двойную дозу такого гостеприимства и человеколюбия, каким меня порадовал ты, я бы не перенесла.

Я вынудила его отложить планшет и откинуться на спинку стула.

— Ты исключительно ядовита. Поэтому и не такое бы пережила.

— В твоих же интересах ошибаться, — я не позволила себе отвести взгляд от его лица.

— Поясни.

— Если вдруг выяснится, что крепким здоровьем я не отличаюсь, ты очень скоро станешь счастливым вдовцом. И сможешь таскать под свою крышу столько шлюх, сколько тебе пожелается.

Я не хотела этого говорить. Ей-богу, не хотела. Но вчерашнее воспоминание жгло мне нутро. Я снова и снова видела предвкушающую улыбку на лице девицы, выскальзывавшей из машины, и ничего поделать с собой не могла.

Это... болело. Жгло, свербело и мучило, сколько бы я ни притворялась, что мне всё равно.

Взгляд Уварова потяжелел:

— Тебе напомнить, что ты сама мне этого пожелала?

— Надо же, да ты просто образец послушания, — я очень надеялась, что он не слышал, как задрожал мой голос. — Уверена, вечер твой удался.

Почему-то он ответил не сразу. Смотрел на меня волком долго и пристально, но после всё-таки соизволил:

— Более чем.

Продолжиться нашей «милой» беседе помешала прислуга — на столе появились первые блюда. Свой завтрак я приготовилась есть вперемешку с непролитыми слезами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.